

Peter Nezník
Елена Лисанюк
Вадим Перов
Eva Dědečková

Дни Санкт-Петербургской философии в Словакии: Достоевский и Ницше. Проблема человека (10–14 X 2017)

*Dni filozofii sankt-petersburskej na Slovacji:
Dostojewski i Nietzsche. Problem człowieka (10–14 X 2017)*

В Университете П.Й. Шафарика в Кошице (Словакия) с 10 по 14 октября 2017 г. состоялись Дни Санкт-Петербургской философии в Словакии (2017), в рамках которых был организован международный российско-словацкий философский коллоквиум по теме «Достоевский и Ницше. Проблема человека», организованный в сотрудничестве с Российским центром для науки и образования РФ в Словакии. Коллоквиум стал продолжением многолетнего сотрудничества российских и словацких философов.

Коллоквиум открыл заведующий кафедрой философии и истории философии университета П. Й. Шафарика г. Кошице к.ф.н. профессор Владимир Лешко и отметил плодотворность российско-словацких научных и образовательных связей, выразив надежду на продолжение сотрудничества в области философии. С приветственным словом выступил почетный консул Российской Федерации в Словакии Л. Штефко.

Доклад д.филос.н., доцента кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета Лисанюк Е.Н. «Изобрёл ли Ф. Достоевский постправду?» был посвящен алгоритмам оценки аргументов в спорах, позволяющим определять решения в споре, а также методологии оценивания аргументов при помощи этого алгоритма. Предлагаемый алгоритм подразумевает несколько фреймов упорядочения логических оценок и включает как привычные фреймы с наиболее предпочтительной оценкой «истинно», так и фрейм с би-компонентными оценками, отражающими конкуренцию мнений «обоснованно истинно» и «обоснованно ложно». Такое многообразие фреймов оценок открывает перспективу не только формальной вычисли-

мости решений в споре, но и уточнения содержательной оценки аргументов. Последнее обстоятельство, связанное с уточнением оценки аргументов, имеет большое значение на современном этапе, где в публичном дискурсе и повседневных коммуникативных практиках широко распространены такие явления как пост-правда и фейковые новости, в которых истинностные оценки не играют существенной роли.

В романах Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» и «Преступление и наказание» изложены два случая судебной аргументации. Оба случая исходят из морально порочного образа обвиняемого, однако в случае с Дмитрием Карамазовым это приводит к судебной ошибке, а в случае с Родионом Раскольниковым – к его признательным показаниям и раскаянию. Суд признал Дмитрия Карамазова виновным в убийстве отца на основе косвенных доказательств и его негативного морального облика, сформировавшегося у присяжных под влиянием обвинения. Читателю известно, что предложение «Дмитрий Карамазов виновен» ложное, и Дмитрий не убивал своего отца, но присяжные этого не знают. В результате источником судебной ошибки, из-за которой он был сослан в Сибирь, стала общая согласованность картины происшедшего и соответствие этой картины версии обвинения, представленной в суде эмоционально более убедительно, нежели версия защиты. Возражения адвоката об отсутствии прямых фактических доказательств вины Дмитрия присяжные не приняли во внимание, сосредоточившись на личности обвиняемого. В деле Раскольникова, напротив, не было никаких улик против него, ни прямых, ни косвенных, и не признайся Раскольников в убийстве, доказать его вину в суде было бы едва ли возможно. Читателю известно, что предложение «Родион Раскольников виновен» истинное, но следовательно это доподлинно не известно. Если бы не хитроумный психологический поединок с Раскольниковым, затеянный следователем на основании изучения нравственных качеств личности Раскольникова, то суд вполне мог счесть предложение «Родион Раскольников виновен» ложным, совершив тем самым судебную ошибку.

Эти два случая, считает Лисанюк Е.Н., иллюстрируют особенность явления пост-правды, когда фактической стороне дела в ходе верификации информации отводится меньшая роль, чем эмоциональным и психологическим аспектам предъявления этой информации, а также моральному образу ее источника. Симптомом пост-правды, открывающим перспективу ее выявления чтобы затем устранить, если содержащаяся в сообщении информация окажется недостоверной, выступает некомпозициональность оценки аргументов. Имеется три уровня оценки аргументов в споре: пропозициональный уровень отдельных аргументов – умозаключений, где устанавливается истинность предложений; уровень позиций агентов спора, в которой аргумент выступает ее атомарным элементом и определяется общая состоятельность позиции; и уровень спора в целом, охватывающий все заявленные

в нем аргументы, где можно оценивать их соответствие целям и намерениям участников спора. Предполагается, что оценка аргументов на каждом из трех уровней базируется на трех разных концепциях истины: корреспондентной, когерентной и прагматической. Методология комплексной оценки аргументов заключается, во-первых, в том, что положительный результат проверки аргумента на каждом из уровней – это необходимое, но не достаточное условие его приемлемости, и, во-вторых, лишь положительный результат проверки на всех трех уровнях означает, что аргумент приемлемый.

В докладе на примере судебных разбирательств в романах Ф. Достоевского показано, каким образом суперпозиция оценок аргументов на разных уровнях «оставляет» своего рода зазор, где затруднительно оценить истинность предложений, составляющих версию той или иной стороны судебного спора. В судебном споре присяжные не знают, какая версия верна, обвинения или защиты, и должны составить свое мнение на основе предъявленных в суде доказательств, причем им необходимо это сделать это в условиях временных и процедурных ограничений, накладываемых судебным процессом. Эти ограничения способствуют возникновению подобного зазора, образующего потенциальное пространство пост-правды, когда на первое место в оценке аргументов выходит личность говорящего или социальный статус источника информации, а также психологические и эмоциональные особенности ее предъявления. При этом верификация истинности предложений, содержащих информацию, либо не производится, либо носит второстепенный характер.

По докладу Лисанюк Е.Н. было задано несколько вопросов. Профессор В. Лешко спросил, каким образом связаны между собой понятия истины, правды и пост-правды. Лисанюк Е.Н. ответила, что истина – это эпистемологическая характеристика предложений, а истинность предложений – это их логическое значение, устанавливаемое при помощи формальной модели или посредством опытной проверки; слово «правда» в русском языке имеет социальный и нравственный подтекст, поэтому охарактеризовать версию как правдивую может означать как ее эпистемологическую, так и аксиологическую оценку. Пост-правда – это забвение верификации, «отставка» истины как в корреспондентном, так и в когерентном смыслах, в пользу прагматической уместности или целесообразности. Можем ли мы вообще рассчитывать на знание истины не только в свете пост-правды, но в свете релятивизации знаний, спросил П. Тхолт. Это хороший философский вопрос, ответила Е. Лисанюк. В любом случае мы должны полагаться на проверенную методологию оценивания аргументов и информации, и, в целом, использование критической аргументации в познавательных целях – это путь развенчания заблуждений и ошибок, на котором мы можем надеяться на постижение истины хотя бы на том основании, что отбросим неистинные сведения.

В докладе «Праксеология ценностей: Н. Гартман и Ф.М. Достоевский» к.филос.н., доцент Перов В.Ю. рассмотрел некоторые этические взгляды Ф.М. Достоевского в контексте истории западноевропейской моральной философии, особенно в рамках сравнительного анализа с философией ценностей Н. Гартмана.

Исходным пунктом доклада стали известные и широко представленные в массовом сознании этические «моральные дилеммы» из произведений Ф.М. Достоевского: «слезинка ребенка», которую нельзя оправдать даже ради будущей мировой гармонии («Братья Карамазовы»), опасность вседозволенность в условиях отсутствия бога («Братья Карамазовы»), «тварь я дрожащая, или право имею?» («Преступление и наказание»), и предпочтение «чаю попить» существованию мира («Записки из подполья»). Было отмечено, что если первые три «моральные дилеммы» традиционно выступают предметом многочисленных обсуждений в контексте теоретических дискуссий о выборе большего и меньшего зла, допустимости преступных и морально порочных средств ради достижения благих целей, границах человеческой свободы и ответственности и т.д., то последняя обычно упоминается как бесспорное выражение крайне циничной и аморальной жизненной позиции. При этом существенным обстоятельством является то, что некоторые известные моральные философы, которых трудно отнести к аморалистам или имморалистам высказывали аналогичные мысли. Так, например, Д. Юм писал о том, что предпочтение не порезать свой палец разрушению мира не противоречит разуму, а Г. Йонас полагал, что нет никакого логического противоречия в том, что счастье нынешнего поколения может быть куплено за счёт несчастья будущего человечества. Именно проблемы соотношения теоретического (логико-познавательного) и практического (морального) отношения к миру, особенно к «миру ценностей» были в центре внимания этической концепции Н. Гартмана, который анализируя исторический процесс «деонтологизации ценностей», выявил три этапа соотношения этического знания и его нормативности: античность (этика дает знание, которое необходимо и достаточно для добродетельного поведения), средневековая христианская мысль (знание доступно, но недостаточно в силу слабости человеческой природы), философия А. Шопенгауэра (этическое знание невозможно, а по большому счёту и не нужно, так человек не в состоянии стать добродетельным). В связи с этим Н. Гартман обосновывает мысль о том, что в современных условиях отсутствия единой и обязательной для всех совокупности моральных ценностей, обоснованной исключительно на гносеологической нормативности, моральный выбор является результатом практической рациональности и осуществляется в условиях конфликта соизмеримых в моральных отношениях ценностей (Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ №16-03-00388а).

В ходе обсуждения П. Незник спросил доцента В.Ю. Перова как на сегодняшний день обстоит дело в России с интересом к мыслям и трудам Н. Гартмана, который родился на территории Российской Империи и получил образование в Санкт-Петербургском университете, но считается исключительно западноевропейским философом.

В.Ю. Перов ответил, что, с одной стороны, считать Н. Гартмана западноевропейским философом оправдано, так как основная часть его философского творчества проходила в университетах Германии. С другой стороны, сегодня наблюдается возрастание интереса к философскому его наследию как в России, так и во всём мире. Более того, можно говорить об «открытии» философии Н. Гартмана, поскольку ранее его работы не были переведены на английский язык. Так, например, первой из его крупных книг была переведена «Этика» только в 2004 году.

Следующим выступлением был доклад доц. П. Тхолта, PhD., и.о. профессора Университета П.Й. Шафарика в Кошице под названием «Духовный человек в концепции Достоевского и Ницше». Центральной идеей доклада была начавшаяся на рубеже 19 и 20-ого веков смена гуманизма на пост-гуманизм, которая продолжается и сегодня, и представляет в контексте развития европейской культуры одну из самых важных проблем, стоящих перед современным человеком. В 19 веке, и особенно в прошлом – 20 веке источником такой смены выступает проблема потерянного, или «мертвого Бога». Пост-гуманизм пытается найти подход к пониманию человека, потому что ни классическая наука ни классическая философия более не дают удовлетворительного ответа на вопрос – что есть человек? М. Шелер утверждал, что человека не возможно однозначно определить, сформулировав философскую дефиницию. Настоящий дискурс о человеке тем самым становится не только сложным, но почти невозможным, поэтому вопрос «что есть человек?» надо поставить более радикально. Одну из таких попыток предпринял Мартин Хайдеггер, который сформулировал вопрос: «есть здесь еще что-нибудь такое как человек»? Хайдеггер очень четко осознавал внутреннюю пустоту традиционных метафизических наук и их знания о человеке, а так же то, что ни одна эпоха, кроме нашей, не была способна предложить быстрое, точное и одновременно простое решение вопроса – «кто есть человек?». Но одновременно следует отметить, что никогда человек не был настолько проблематичным как в наше время. Для иллюстрации к проблеме человека докладчик обратился к общеизвестной теме из наследия Достоевского – к «парадоксалисту», которым был подпольный человек. Точная наука вопрос о сущности человека, его смысле и определении его места в мире отклоняет, но довольно часто так поступает и философия. Философия Ф. Ницше и произведения русского писателя Ф.М. Достоевского стремились способствовать тому, чтобы тема человека не только заняла важное место, но и получила должное внимание. Подпольный

человек есть человек без имени, каким он остается и в наше время, когда человек – наш современник находится в «хрустальном замке», который он построил для себя. Но на самом деле он живет в подполье, в состоянии неспособности дать ответ на вечные вопросы, кто он есть, каков смысл его существования и куда он идет. Это и есть те вечные вопросы, которые находятся вне и за стенами «хрустального замка», и мы остаемся в плену сомнений, как их поставить, как к ним подойти, и как мы можем сами себе ответить на вопрос: почему я здесь? «Хрустальный замок» нельзя разбить, уничтожить, поскольку нет подходящего способа задавания вопросов. В результате доминирующим оказывается аналитическо-логический подход, т.е. сфера аналитического мышления, в которую мы добровольно сами себя закрываем, лишая себя возможности уничтожить «хрустальный замок». Одно из решений этой ситуации предлагал Ницше. Но, мне кажется, что Достоевский раскритиковал идеи Ницше еще до того, как немецкий философ смог их сформулировать. Только то, что есть чисто человеческого в нас, сможет помочь вырваться из тюремного заключения в стенах «хрустального замка», в которых мы сегодня очутились. Как представляется, надо заново попытаться сделать из человеческого знания одно целое, которое бы смогло связать оба эти диаметрально разные подходы – как аналитический, так и тот «темный», потому что иначе нам совсем предстоит реальная угроза сползания в нигилизм. Продолжая эту тему, чешский философ Ян Паточка занимался проблемой поиска способа, позволяющего объединить интеллектуала и духовного человека. Интеллектуал закрывает себя в области чисто синтетизирующих способов мышления – в области фактов и объективного мышления. В связи с тем задачей философии должна стать реализация возврата изначального единства знания, наподобие той, что была осуществлена в сократовской форме философствования. За такой подход к философии ратовал Паточка, указывая, что лишь в этом случае философ и его философия находятся в неотделимом единстве с жизнью. Мы сегодня почти способны познать весь мир, имеем для этого передовые средства и технические орудия, имеем также и глубокие, точные знания, но мы за это наше знание заплатили очень высокую цену – мы отказались от воли и способности создавать ценности в этом человеческом мире. Наверное, это и есть основание и причина осознания того, что мы всё больше теряем самих себя, теряем самого человека. Не надо забывать, что Паточка под конец своей жизни не мог найти альтернативу неаутентичному способу жизни, размышлял о веке пост-европейском, полагая что Европа уже изжила себя, реализовав свои возможности в позитивном и негативном смыслах.

Доц. Перов спросил проф. П. Тхолта, что понимает Паточка под термином «духовного человека»? Павол Тхолт ответил, что исходной для Паточки могла послужить философия Августина Блаженного, если не углубляться далее в философию античности. У Паточки понятие «духовного

человека» выступает как средство для того, чтобы заново обдумать насущную ситуацию человека и мира, особенно ситуацию человека, в которой находится европейский человек 20-ого века, так как он потерял самого себя в повседневной жизни и повседневных заботах, и живет в несвободе и рабстве без того, чтобы быть способным над этим задуматься.

С докладом под названием «Достоевский и Ницше: Европа есть тоже и Россия» выступил к.ф.н., доц. П. Незник. Отметил, что вопрос: «что есть Европа?», «чем была и будет Европа?» это есть вопрос не только давнего прошлого, но и вопрос наших дней. Отношения между Россией и Европой никогда нельзя было назвать целиком ясными, открытыми и беспроблемными. Напротив, всегда было можно в хрупких отношениях Европа – Россия чувствовать тревогу, беспокойство, взаимные недоверие, опасения, в особенности подозрения к русским людям со стороны Европы. В творчестве Достоевского, в его сугубо специфической публицистике, помещенной в «Дневник писателя» обнаруживается оригинальная трактовка для подозрительного прочтения Западом, или Европой, своего соседа – России. В виде воспоминаний событий из своих путешествий по Европе *Piccola bestia* (1886 г.) он говорил о неспособности войти в прямой разговор и открытую коммуникацию между Россией и Европой. Европа боится России, проецирует свои ошибки, грехи и промахи в Россию, которая, по словам Достоевского, по сравнению с Западом пока еще находится в стадии молодости, развития и, тем самым, исканий своего собственного пути. Конечно, специфика мыслей Достоевского была в том, что он сам постоянно находился в каком-то внутреннем беспокойстве, в движении, в поиске своего собственного пути. Тем более и его отношение к Европе, к европейской культуре не оставалось одним и тем же. Достоевским был во многом источником вдохновения не только для Ф. Ницше, и идеи этих двух мыслителей послужили отправной точкой для философов и интеллигенции Серебряного века в России. П. Незник обратил внимание на развитие в это время критики рациональной науки и философии, которая стремится стать наукой по образцу математики. Л. Шестов, Н. Бердяев, С. Франк и др. пытались отграничить философию и тем самым найти место для человека, для его свободы и творчества. Достоевский в «Записках из подполья» нашел радикальный отказ от покровительства «научного разума», который переродился в орудие власти и закрепощения человека. Ницше подхватил у Достоевского идею подпольного человека, на что правильно обратил внимание Шестов. Ницше предчувствовал, что там, на рубеже, где Европа вливается в Азию, в России, там, в дали находится огромная сила, и иногда становятся заметными странные звуки, приходящие из подполья. Именно там, по словам Ницше, воля к власти аккумулируется, укладывается и ждет своего спуска, чтобы употребить любимое слово физиков, как дополнил с иронией Ницше. Шестов выявляет глубинные связи и родственность идей

между Достоевским, Ницше и Платоном, каждый из которых на свой лад прожил трагический перелом в жизни, забросивший их в совершенно другой мир. Человек был внезапно вырван из хорошо освоенного мира, в котором он жил спокойно и обустроено. Только так, в радикальном переломе, может родиться настоящая философия – философия трагедии, которая не знает добровольцев и настоящих учеников, наследников. Там каждый должен быть пионером и первопроходцем, первооткрывателем неизвестных и до того не обитаемых сфер жизни. Много уже было сказано о кризисе Европы, европейского человечества в том ключе, что разум, коренящийся в математическом естествознании переродился в культ разума и человек 19–20 века, но и нашего сегодняшнего 21-ого века верит в нового бога – в Разум, хотя все происходящее в мире нас убеждает в том, что на вершинах власти бал правит не разум и порядок, но хаос, сплошной разврат и своеволие. Х. Гессе написал басню – «Европеец», она входит в те небольшие работы писателя, где он в районе 1910–1945 г. размышлял не только о настоящем и будущем европейского человека, но и судьбах человечества в мире. Он опасался, что наша техника, «наукотехника» откроет нам возможность уничтожить все живое на земле, если мы не проснемся и не начнем заново искать совсем другие подходы решения насущных проблем человечества. Знание, наука и техника, все технические изобретения вне ответственности и заботы о продолжении жизни после нас есть совершенно неподходящий вариант, который доминирует 300 последних лет в Европе и во всем мире в силу того, что евро-атлантическая цивилизация постоянно внушает свой вариант власти и мировоззрения всему миру, а в планетарный век – жизни и всему, что есть на планете. Из трагического урока 20-ого века мы получили очень мало – мы явно не стали ни более мудрыми, ни более осматрительными. Все еще не достаточно глубоко мы вчитались в мысли таких мыслителей, какими были Достоевский, Ницше, Шестов и другие, которые хотели то ли улучшить человека, то ли шагнуть за человека, по ту сторону его слишком человеческого...

Ш. Юско, PhD. в докладе «Фридрих Ницше: все дозволено» представил три контекста предложения «Все дозволено». Первый контекст говорит о мире, как мире деяния, где в состоянии хаоса не заложено никакой цели, никакой истины, никакого добра. В мире хаотического деяния господствует ложь, обман (не в моральном смысле), все есть иллюзия и потому все дозволено. Для того, чтобы человек мог жить в этом мире, чтобы он вынес и выдержал этот хаос и обман, он нуждается в искусстве в самом высоком смысле слова, т.е. искусстве понимания мира как мира прекрасных иллюзий. Самыми крайними иллюзиями здесь выступают дионисийское опьянение, которое принуждает к оргиастике, к страсти, к не фигуративной форме, и аполлоновское опьянение, которое принуждает к представлениям, видениям и конкретным образам. В другом контексте находится формулировка

исхода и стратегий Ницше в океане хаотического, иллюзорного мира, через власть противостояния – дистанции, посредством которой хочется придать смысл человеческой экзистенции. Смыслом жизни человека здесь служит идеал высшего добра, а как в духе платонизма, так и в духе христианской морали. После смерти бога смысл человека пошатнулся, но человек живет далее в тени «мертвого бога», т.е. в принятии его ценностей. Ницше отмечает, что период после смерти есть период нигилизма, т.е. период полного исчезновения старых ценностей. Из этого следует, что если все было дозволено, то должен существовать сверхчеловек, как господин своей симпатии. Третий контекст представляет наше собственное отношение к «я хочу» в момент, когда решается вопрос о будущем человека. Я хочу, чтобы существовал человек, или я хочу, чтобы существовал сверхчеловек?

В заключительном докладе Р. Стойка, PhD. «Паточка, Ницше и проблема технизации в науке» обратил внимание на то, что современная наука и техника, «наукотехника», по Паточке решающим образом детерминирует современную жизнь человека. Самого Паточку к рассуждениям об этом феномене привело общение с М. Хайдеггером, который начинает свое исследование техники и ее отношения к человеку уже в 30-ых годах 20-ого века. У Паточки эта проблема выступает как самый важный пункт размышлений в работе поздних лет по философии истории, где он обозначает ее как опасность технизации в науке. Сущность техники, которую дает Хайдеггер посредством понятия *Gestell* является (как вид открывающегося Бытия) самой крайней опасностью и угрозой для человека. Хайдеггер исследует здесь то, как наукотехника, которая постепенно выталкивает метафизику (и тем самым и философское мышление как таковое), тем самым детерминирует и жизнь человека в русле технического понимания мира. Эта угроза, как отмечает и делает на этом акцент Хайдеггер, происходит не от самой техники, но касается возможностей самого человека, и проявляется в том, что он может потерять доступ к истине Бытия вообще, что истину в смысле несокрытости (*ἀλήθεια*) он забудет вообще. Паточка, в отличие от Хайдеггера, при рефлексии на эту тему обращается к Ницше, к его идее о воле к власти и идее о постоянном возвращении. Именно Ницше выступает для него тем, кто первый смог определить проблемы своего времени, и по-своему предвидел новую эру современного идеала науки и техники. И на основе сказанного мы можем считать Ницше глашатаем наступающего нового периода, – периода хаоса, насилия и разврата, т.е. века – времени сверхчеловека. Но с такой оценкой Паточка не согласен, потому что выход из кризиса – который был в основном духовным кризисом не может быть разрешен посредством силы и прихода того, что возвещал Ницше – сверхчеловека. Потому Паточка не только критикует Ницше и его философию насилия и силы, но посредством этой критики предлагает свой собственный подход к проблеме технизации в науке и способам выхода из ситуации

кризиса. Паточка остается верным идеям гуманизма – он дает свой концепт философии для 20-ого века, которая имеет свою родословную у Сократа – через поиск истины и жизни, которая бы была возможной для человека а не лишь для сверхчеловека. Именно душа, как то в нас, что ведет нас к вечному компоненту в универсуме, которая дает не только возможность истины но и жизни в истине бытия действительно и правдиво человеческого существа.

После докладов и вопросов к докладчикам, состоялась общая дискуссия по проблеме человека, связи идей Достоевского и Ницше, о философских проблемах, связанных с судьбами Европы и России, состояния науки, техники, нанотехники, о роли философии в современном обществе.

Обзор коллоквиума был подготовлен при поддержке Минвуза Словацкой республики гранта ВЕГА № 1/0715/16: «Достоевский и Ницше в контекстах чехо-словацкой и русской философии 19–20 ого века».